

Исторические перемены в России и трансформация крестьянского сознания в XX веке

Для России XX век стал периодом глубинных политических, социально-экономических и культурных трансформаций. На протяжении столетия она превратилась из сельской в преимущественно городскую страну.

В последнее десятилетие происходит переосмысление отечественного модернизационного опыта с учетом того, что в XX в. теории модернизации претерпели эволюцию, пройдя путь от линейной модели прогресса к представлениям о многомерности исторического процесса, от экономцентризма к признанию значительной роли антропологического, социокультурного фактора и от западоцентризма и вестернизации к пониманию конструктивной роли самобытного социокультурного наследия незападного мира¹. В широком плане модернизация понимается как освобождение личности, создание гражданского общества, демократизация; в более узком – как переход от традиционного аграрного общества к индустриальному урбанизированному².

В исторической науке исследование модернизации российского аграрного общества является динамично развивающимся направлением. Благодаря привлечению нестандартных источников, значительного массива архивных документов, их новому

---

¹ См.: Федотова В.Г. Модернизация «другой Европы». М., 1997; Зарубина Н.Н. Хозяйственная культура как фактор модернизации. М., 2000. Деп. в ИНИОН РАН.

² Вада Х. Россия как проблема всемирной истории. Под ред. Г.А. Бордюгова. Пер. с япон. и англ. М., 1999; Сенявский А.С. Урбанизация России в XX в.: Роль в историческом процессе. М., 2003.

прочтению, социально-культурные сдвиги в российской деревне видятся более объемно и многопланово. Изучение этих процессов в аспекте крестьянского сознания представляется важным и актуальным, поскольку именно понимание крестьянства как исторического субъекта выдвигает на первый план необходимость разработки аграрной проблематики с точки зрения изменений его сознания. Цель настоящей статьи – показать основные тенденции трансформации сознания русского крестьянства за прошедшее столетие. Под крестьянами автором понимаются жители деревни, занятые производством сельскохозяйственной продукции, и учитывается существование несомненных различий между традиционным единоличным хозяином, колхозником и современным сельским жителем. Собственно, эти различия и являются предметом обсуждения. В то же время имеется в виду, что в любом случае сохраняется преемственность хозяйственной практики, которая ведется на границе природного и социального, – то есть того, что маркирует именно крестьянство.

В начале прошлого века

Если вести речь о сознании русских крестьян на момент начала активной модернизации всех сфер общественной жизни в начале XX в., то ему были присущи некоторые устойчивые компоненты, заданные ритмами земледельческой культуры, которая носила ярко выраженный характер выживания³. Жизнь крестьянина определяли ритуальный тип организации культуры и памяти, а также ритуальная стратегия поведения. Крестьянская религиозность в форме «народного православия» имела специфические черты «обрядоверия». Профанно-сакральное единство народной жизни выражали понятия «обычай» и «по-

---

³ Кознова Ирина. Труд на земле в памяти российского крестьянства // XX век и сельская Россия. Под ред. Хироси Окуда. Токио, CIRJE Research Report Series. CIRJE-R-2. 2005. С. 7-9.

Исторические перемены и трансформация сознания

рядок». Модель жизненного успеха русского крестьянина содержала в себе стремление прожить жизнь в умеренном труде, здоровым, в скромном достатке, в соответствии с обычаями и традициями предков; по правде, совести, справедливости, имея большую семью, пользуясь уважением односельчан, не совершая много грехов. Полнокровной и насыщенной была жизнь сельского прихода. Существовала вера в «добротого царя».

При этом силой традиции эти ценности преемственно, без нарушений и отклонений, должны были переходить от поколения к поколению: прошлое наделялось позитивными чертами и выступало в качестве эталона хозяйственной практики, в ходе которой наследовался крестьянский этос. Центральным образом крестьянской коллективной памяти являлась «власть земли». Хозяйствование на земле воспринималось крестьянством как духовная миссия, неотделимая от образа жизни, в который органично включались с раннего детства; как нравственная обязанность перед памятью прежних поколений. Время воспринималось крестьянством циклически, нормальным ходом вещей была повторяемость и неизменяемость мира в рамках своего локального сообщества. Хотя нормативность распространялась на все стороны уклада русского крестьянства, следует подчеркнуть вариативность и многообразие проявлений традиционной культуры в того или иного региона.

Крестьянам был присущ патернализм, прагматический подход к власти и вере. Их отличало потребительское отношение к земле, собственности в целом и к труду. Противоречиво воспринималось богатство. В крестьянской среде не одобрялось преуспевание за счёт другого, существовало убеждение, что накопление не должно быть самоцелью. Вместе с тем, порицались бедность и лень. Негативно смотрел крестьянин на ростовщичество и прибыль, с подозрением относился к занятиям торговлей. Крестьянскому сознанию было свойственно настороженное либо пренебрежительное отношение к новшествам, осуждение личной инициативы, скепсис в отношении образо-

вания, агрономической помощи и официальной медицины⁴. Приоритетным считалось экстенсивное развитие. Большую силу имели слуховые формы коммуникации. Кредо крестьян Пензенской губернии Пензенской губернии Инсарского уезда: «Если будешь делать все по старине, судьба будет тебе помогать, а по-своему – тогда на судьбу не жалься» – точно выражало ценности всего крестьянского мира⁵.

Хотя исследователями отмечается неравномерность обусловленного модернизацией ускорения хода социального времени в начале XX в. для различных групп общества и известную приверженность традиционной культуре подавляющей части крестьянства, новые ценности проникали и в деревенскую среду. Происходил распад патриархальных отношений, повышалась роль малых семей, молодежи, женщин в общественных и общинных делах. Возрастала мобильность сельского населения, расширялось влияние городской материальной и духовной культуры. В крестьянах сильнее проявлялось чувство личности, независимости, особенно заметное в общинах, имевших тесные связи с городом благодаря отходникам; в поведении наблюдался рост рационализма («умственности»), прагматизма, расчетливости, эгоизма. В деревне росло понимание выгоды и торговой прибыли, что влияло на отношение крестьян к земле, труду на ней и собственности.

Переход России от традиционного аграрного общества к индустриальному урбанизированному сопровождался раскрестьяниванием. Раскрестьянивание подразумевает во-первых,

---

⁴ Громыко М.М. Мир русской деревни. М.,1991; Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. М.,1993; Ледовских Н.П. Обыденное сознание россиян XVIII-XIX веков. СПб., 2001; Домников С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М.,2002; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1- 2. СПб., 2003; Русские Рязанского края. Отв. ред. С.А. Иникова В 2-х тт. Т.1. М., 2009. С. 128-129.

⁵ Бернштам Т.А. Молодёжь в обрядовой жизни русской общины XIX- начала XX века. Л., 1988. С. 13.

Исторические перемены и трансформация сознания

количественное убывание крестьянства из состава сельских жителей; во-вторых, существенную трансформацию хозяйственного, жизненного уклада и внутренней социальной природы крестьянства. Раскрестьянивание - объективный процесс. Оно происходит в индустриальном обществе, независимо от вмешательства политических структур, которое может быть различным по направлениям, формам и результатам. В первой четверти XX в. капиталистическое раскрестьянивание по типу сельские буржуа-пролетарии не стало определяющим фактором социальной жизни. В начале XX в. сельское население составляло абсолютное большинство, к концу 1926 г. – более трех четвертей (82%). В советских условиях раскрестьянивание происходило ускоренными темпами. По переписям, в 1939 г. на долю жителей села приходилось 67%, в 1959 г. – 48 %, в 2002 г. – 27 % (доля населения, занятого в сельском хозяйстве – 15,6 %). Если по переписи 1926 г. на долю тех, кому было меньше 25 лет, приходилось в деревне 59,3% (на момент коллективизации эта группа включала не менее двух третей сельского населения), то в 2002 г. 60% взрослых, живущих на селе, - это люди старше 40 лет, треть – старше 55 лет⁶.

Реакцией на индустриально-рыночную модернизацию страны стала в начале XX в. крестьянская революция, отразившая рост самосознания русского земледельца, его стремление преодолеть чувство хозяйственной и социальной неполноценности. Это выражалось в требовании политических прав и свобод, признании ценности образования. При этом крестьянское сознание стало ареной столкновения двух начал – архаики и модернизма, общинной солидарности и индивидуализма. Перемены дали импульс формированию разных типов сознания и памяти, разных ценностных представлений в сельской среде.

---

⁶ Вербицкая О.М. Население российской деревни. М., 2002; Гудков Л., Дубин Б. Сельская жизнь: рациональность пассивной адаптации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 6. С. 33.

Один тип ориентировался на стратегию выживания, общинное начало и был преобладающим, другой – на нововведения, развитие, интенсивное хозяйствование в рамках общины и чаще – вне её. Последний был ориентирован на активность и независимость, его позиция состояла в том, чтобы «самому за себя думать и самому пробивать для себя дорогу», «возможность самому устроить жизнь и хозяйство». Оба типа сознания отличало активное трудовое начало при разной степени вовлечённости в товарные отношения. Третий тип был готов порвать с крестьянствованием⁷.

Вхождение крестьянства в рынок сопровождалось нарастанием конфликтности в деревне, дезинтеграцией сельского мира. Исследователи обращают внимание как на «истощение религиозного чувства», так и на усиливающиеся процессы десакрализации монархии. Перемены в сознании вели к конфликту поколений, «противостоянию культур», служили почвой для аномии, постепенного разрушения сельского уклада⁸.

Войны и революции начала века стимулировали формирование опыта вне привычного крестьянского порядка. Этот опыт имел как позитивное содержание – расширение знаний и кругозора, так и негативное – девиантное поведение,

---

⁷ Кознова Ирина. Труд на земле в памяти российского крестьянства. С. 9-11; Кознова Ирина. Историческая память русских крестьян в XX веке // 20 сэйки Росиа ноемин си. Токио: Сякайхёронся, 2006. С. 67-68.

⁸ Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX в. М., 1999; Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период первой мировой войны (1914-март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; Леонов С.В. «Разруха в головах»: к характеристике российского массового сознания в революционную эпоху (1901-1917 гг.) // Ментальность в эпоху потрясений и преобразований. Сб. ст. М., 2002. С. 95-173; Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX-начале XX в. М., 2002; Миронов Б.Н. Социальная история России; Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX-начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008; Булдаков В. П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е., доп. М., 2010.

Исторические перемены и трансформация сознания

рост социальных преступлений. Получила распространение «привычка братья за оружие». За годы аграрной революции сформировался устойчивый образ «врага», который впоследствии актуализировался в годы «великого перелома».

Крестьянская революция приняла характер «общинной революции», которая невольно вовлекала крестьян в состояние «войны против всех», усиливала проявления архаики и локализма, мифологизма в сознании. Крестьяне стремились «справедливо» поделить землю и стать «вольными хозяевами на вольной земле». В этом уже изначально был заложен конфликт между крестьянством и большевиками, проявившийся сначала в повстанческом движении периода Гражданской войны, а затем в годы «великого перелома».

Преемственность и перемены в деревне: новый этап

Нэповскую деревню отличало противоречивое взаимодействие моментов стабильности и динамики, преемственности и перемен, усиление общинных настроений и одновременная потребность преобразования сложившихся устоев жизни, что дало основание современникам характеризовать состояние деревни как «старое в новом и новое в старом»⁹. По данным историко-этнографических исследований в Рязанском крае, происходившая после 1917 г. смена укладов шла очень медленными темпами и растянулась более чем на полвека¹⁰. Традиции и новации существовали и действовали неравномерно в разных сферах жизни деревни.

Можно вести речь о рациональности и прагматичности мировосприятия, характерного для большинства сельских жителей эпохи нэпа, о преодолении замкнутости, росте общественных интересов и потребностей, заинтересованности в гарантиях

---

⁹ Золотарёв Д.А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919-1925 гг.) // Материалы по этнографии. Т. 3. Вып. 1. Л., 1926. С. 143-158.

¹⁰ Русские Рязанского края. Т. 1. С. 509.

хозяйственной стабильности¹¹. Крестьянство было нацелено на развитие собственного хозяйства с ориентацией на рынок и кооперирование. В условиях нового политического строя в системе крестьянских взглядов сохранялся приоритет трудовой этики, обычаи и нормы трудового права, которые были основой крестьянского порядка. Документам крестьянского происхождения присуща апология трудолюбия, при этом уважался нажитый трудом достаток¹².

«Модернизаторский» тип сознания выражал недовольство общинными порядками. Его возрождение в 20-е гг. стало свидетельством социокультурных сдвигов, наметившихся в деревне еще на рубеже XIX-XX вв. Занятие сельским хозяйством становилось проблемой личного выбора («не община плоха, а мы нехороши»). Новые потребности определяли мотивацию интенсивного хозяйствования; в ходу было понятие «рациональная культурность», хотя слой зажиточных, «передовых», «хозяйственных мужичков» формировался медленно.

При этом несомненно двоякое воздействие «цивилизующее» влияния города на сознание крестьянства. Признание преимуществ города порождало у части крестьян стремление, следуя за ним, изменить быт деревни, придать хозяйственному строю динамичность благодаря использованию агрономических новаций и повышению товарности хозяйства, участию в сельскохозяйственных выставках. Отходничество в город, в зависимости статуса и имущественного состояния крестьянского двора выступало как способ его поддержки и/или интенсификации, так и как альтернатива единоличному хозяйствованию.

Однако в деревне оставались сильными и другие настроения – нежелание крестьян что-либо менять. Особенное влияние «прошлой школы жизни», «школы выживания» на сознание и

---

¹¹ Кознова Ирина. Труд на земле в памяти российского крестьянства. С. 11-13.

¹² Кознова Ирина. Историческая память русских крестьян в XX веке. С. 69.

Исторические перемены и трансформация сознания

поведение крестьян выражалось в стремлении следовать «заветам отцов».

Значительная часть сельского населения сохраняла свою привязанность к «народному православию», прежде всего старшее поколение и женщины; при этом отмечался рост сектантства. Внешние признаки атеизма особенно были характерны для актива деревни, коммунистов, комсомольцев, в целом молодёжи, а также в какой-то мере для членов коммун. Но этот атеизм был стихийным, и безбожие нередко сочеталось с суеверием.

В социальных представлениях крестьянства периода 1920-х гг. прослеживается взаимодействие в них трудовой этики и уравнивательных тенденций («Ну какие у нас кулаки, мы все крестьяне»).

Приоритет крестьянского физического труда с его предметностью проявлялся в утилитаризме крестьян во взглядах на умственный труд и образование. Пользу грамотности крестьяне понимали в скромных размерах и чисто практически («Отцы были неграмотны, а хлеб ели... мы люди рабочие, нам некогда заниматься этим бездельем»). Эгалитарные устремления крестьян были ориентированы главным образом за пределы деревни. Объектом «ревности» выступали горожане как таковые, а конкретнее – служащие, интеллигенция, партийцы, вообще – «люди с портфелем», рабочие. Подобная «ревность» служила выражением реакции на различные нарушения социальной справедливости.

Развитие политической культуры крестьянства нашло выражение в определенном расширении его общественного кругозора, проявлениях интереса к политической жизни, к источникам информации (прессе, лекциям, беседам и т. п.)¹³. Обще-

---

¹³ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. М., 1997. С. 97, 98, 115-116, 124-129, 136, 242; Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах. М., 2001. С. 80-94.

ственная активность крестьянства была важным индикатором его политической культуры, принимала различные формы: участие в избирательных кампаниях, членство в различных общественных организациях; письменные обращения во власть; участие в многочисленных дискуссиях, организованными редакциями газет и журналов, Центральным домом крестьянина; селькорство; написание воспоминаний о революциях и войнах; участие в процессе конструирования нового образа прошлого; получение образования и намеренный разрыв с деревенской культурой; включение во власть.

Для крестьянского сознания периода нэпа характерно противоречивое восприятие власти. Наряду с кризисом доверия к власти, особенно местной, ему была свойственна и идеализация высших инстанций, надежда на «благодетельное» вмешательство «верхов».

При этом крестьянство, претендуя на активное и неформальное участие в управлении страной, все сильнее ощущало свое отторжение от власти и несправедливость государственной политики относительно деревни; звучали заявления, что советская власть «обманула, обещала золотые горы, а страна оказалась у разбитого корыта», что она «топит и душит» крестьянина¹⁴. Произошли серьезные перемены крестьянского восприятия жизни и своей будущности, сильнее стали ощущения крестьянской «второсортности»¹⁵. Основная масса крестьян вообще все больше теряла заинтересованность в развитии хозяйства и стимулы к труду: «у мужика сейчас существует глу-

---

¹⁴ Голос народа. С. 71-142, 188-256; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 825. Лл. 2-11, 37-41, 99-101; Д. 857. Лл. 50-52, 224-227; Д. 858. Лл. 59-65; Оп. 85. Д. 19. Л. 140 и др.; РГАЭ. Ф. 396. Оп. 2. Д. 23. Лл. 386-387.

¹⁵ Грациози А. Великая крестьянская война. М., 2001. С. 41; Ковалев Д.В. Политическая дискриминация российского крестьянства в условиях становления советской системы власти // Аспекты русского мира: культура, история, политика и экономика. С пред. проф. Такэо Судзуки. Токио: Университет Васэда, Институт российских исследований, 2010. С. 69; Роголина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010. С. 86-87.

Исторические перемены и трансформация сознания

бочайшая убежденность, что ему нельзя не только богатеть, но и вообще “жить хорошо”». Наиболее ярким проявлением недовольства было требование крестьянских союзов. Среди социальных низов деревни были сильны антинэповские настроения, хотя их основой была трудовая память: «Мое предложение таково: все, что нажито чужим потом и кровью, должно быть отобрано в государство». Получала в деревне поддержку и идея о том, что нужно «сделать крестьян как рабочих».

Пока существовал традиционный крестьянский уклад, сохранялись и условия для воспроизводства преемственности образа жизни. Вместе с тем, стала более заметной наметившаяся с дореволюционного времени и усилившаяся с приходом к власти большевиков эрозия патриархальных устоев деревни, традиционных отношений между различными поколениями («замки домо строя сорваны, ребята освобождены и не слушаются родителей»). Под ее влиянием формировался новый тип молодёжи, преимущественно из батрацко-бедняцкой среды, настроенной пренебрежительно в отношении крестьянских традиций и ценностей, нацеленный на карьеру, миграцию в город¹⁶. В канун «великого перелома» его кредо было «стереть с земли все кулачье».

Исследователями отмечается, что в конце 1920-х гг. в российской деревне возникла ситуация социокультурного раскола¹⁷. Пока действовал нэп, крестьяне в целом лояльно относились к советской власти, а недовольства носили пассивный и

---

¹⁶ Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (Психоисторические очерки). Новосибирск, 2001. С. 116-125; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 21; Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917-1932 гг. М., 2010. С. 61-62; Булдаков В.П. Указ. соч. С. 533, 535.

¹⁷ Кузнецов И.С. Указ. соч.; Шаповалова Н.Е. Коммунистическая перспектива в представлениях крестьян Европейской части России (1921 - 1927 гг.). Армавир, 2001; Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002. С. 172, 175-188; Лившин А.Я. Указ. соч. С. 303-308.

мирный характер. Однако с изменением в конце 20-х гг. политики по отношению к деревне их поведение стало меняться. На коллективизацию крестьянство ответило массовым протестом (слухи, побеги, различные акции неповиновения и саботажа, «разбазаривание», террор), вплоть до вооруженных восстаний, включая «бабьи» («сарафанные») бунты¹⁸. Насилие над крестьянами продолжалось и после их вступления в колхоз. Однако самой распространенной формой протеста стали жалобы в различные инстанции. Под влиянием репрессивной политики режима типичным для крестьянских масс становится мнение: «Так хочет власть, а против власти не пойдешь».

Колхозная деревня между традицией и новацией

В ходе «социалистического наступления» 1930-х гг. основной удар государства был направлен на индивидуальное крестьянское хозяйство и традиционный уклад жизни сельского населения с целью «цивилизовать» его и сформировать новое, принципиально отличное от прежних, поколение крестьян-колхозников. Между тем, как подчеркивает Н.Л. Рогалина, акцент был сделан на принудительности колхозного труда и этатизации¹⁹. Действительно, со сплошной коллективизацией начался процесс огосударствления колхозов, которые стали встраиваться в систему плановой экономики и командно-административного управления. И хотя процесс огосударствления постепенно охватывал одну сферу сельской жизни за другой, в целом, как отметил В.А. Бондарев, осуществленная в 1930-х гг. модернизация аграрной сферы, став ускоренной, приобрела характер фрагментарной²⁰.

---

¹⁸ См. подробнее: Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010.

¹⁹ Рогалина Н.Л. Указ. соч. С. 137-138.

²⁰ См.: Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни. Ростов-на-Дону. 2005.

Исторические перемены и трансформация сознания

Стоит подчеркнуть, что две составляющие модернизации - социально-экономическая, связанная с трансформацией производственных сил деревни, отношений собственности и социальной структуры, и социально-культурная, определяемая изменениями сознания и образа жизни, – расходились во времени в своём влиянии на деревенскую массу.

Документы этого периода позволяют отметить изменения в деревне, связанные с механизацией трудового процесса; появлением нового типа работника аграрной сферы, способного достигнуть высокой производительности труда; развитием социальной инфраструктуры; повышением грамотности, ростом влияния радио, газет и кино, увеличением числа культурно-просветительных учреждений. В деревне складывалась подконтрольная власти культура.

При этом традиционная сельская культура сохраняла своё ценностно-смысловое ядро, направленное на поддержание коллективной идентичности, социальных приёмов «жизни вместе». Общественное сознание крестьянского мира еще хранило в своей коллективной памяти те культурно-бытовые и ритуально-праздничные модели поведения, что были приняты ранее жившими поколениями. Так, материалы по Рязанской обл. показали, что вплоть до середины 1960-х гг. сохранялась преемственность отдельных сторон хозяйственной практики, быта и культуры колхозной деревни с деревней единоличной, особенно в центральных и южных районах области, традиционно теснее связанных с земледелием. Разные составляющие крестьянского уклада проявили разную скорость и степень затухания. Разрыв преемственности с традиционным крестьянским укладом сильнее всего затронул производственную и семейно-брачную сферу. В то же время, прикреплением колхозника к земле и искусственным поддержанием натурально-потребительского харак-

тера колхозного двора, советская власть способствовала консервации отдельных сторон традиционной культуры²¹.

Новые формы социальной организации деревни, предложенные коллективизацией, были адаптированы к интересам колхозников, сохранявшим потребность в социальном институте, который бы обеспечивал выживание сельского общества. М.Н. Глумной представляется, что колхозы взяли на себя часть функций по обеспечению выживания сельского общества, то есть в этом плане их можно рассматривать как наследников общины, как некий барьер на пути огосударствления²². Принцип «колхоз-село», то есть сохранность тождественности членства в обществе, стала базой для сохранения у членов колхоза «мирского» принципа выживания. На всём протяжении 30-х гг. среди колхозников имели значительное распространение «уравнительные настроения». Сначала (и прежде всего) они проявлялись на бывшей надельной (обобществлённой) земле: в организации общественного труда колхозников и распределении доходов, в стремлении разделить полученный колхозом доход не по результатам трудового участия и выработки, а поровну, с учётом не работников, а едоков. Последний принцип был несовместим с хлебосдачей как государственной повинностью колхозов. Для колхозников было характерно стремление начинать работу сообща; в значительной части вновь организованных колхозов существовали т. н. «бригады-дворки» (фактически, расширенные крестьянские семьи). В колхозах существовали различные каналы уравнительного распределения доходов, тем самым колхозники могли получать от колхоза средства, используя старые уравнительные традиции общины. В организации трудового дня в колхозах, смены рабочего ритма и отдыха колхозники руководствовались привычкой и сложившимися традициями, собственными приоритетами. Освобо-

---

²¹ Русские Рязанского края. Т. 1. С. 134-162.

²² М. Глумная. Колхозы, крестьянство и власть на Европейском Севере России в 1920-1930-е гг. // 20 эйки Росиа ноумин си. С. 524.

Исторические перемены и трансформация сознания

дившееся время они использовали в интересах своего двора. Сохранялись традиции распределения мужского и женского труда в сельхозработах; активно использовался труд детей и подростков²³.

Основная часть населения деревни к началу 1940-х гг. оставалась верующими, несмотря на активную борьбу власти с «пережитками в сознании и поведении»²⁴. Старые религиозные праздники по-прежнему отмечались в деревне. Более того, исследователями отмечается, что и ритм сельскохозяйственных работ в колхозах во многом зависел от религиозных праздников (а также базарных дней и ярмарок). Хотя под влиянием ряда обстоятельств, прежде всего ухудшения материального положения крестьян, а также официальной антирелигиозной пропаганды, происходило свёртывание и упрощение праздничного действия, праздники в их народном варианте соблюдались. Правда, религиозная составляющая деревенских праздников всё больше замещалась «гуляньем» с коллективными трапе-

---

²³ Труд и быт в колхозах. Сборник первый. Из опыта изучения колхозов в Ленинградской области, Белоруссии и Украине. Л., 1931. С. 90-104; Маслов Сергей. История и жизнь колхозов. История и жизнь колхозов. Значение для с.-хозяйства, крестьянства, государства. Природа, эволюция и будущее. Берлин, 1937. С. 215; Чугунов Т.К. Деревня на Голгофе. Летопись коммунистической эпохи: от 1917 до 1967 г. Мюнхен, 1968. С. 178-179; Окуда Х. Процесс становления колхозов: конец общин в России. Токио, 1990 (на япон. яз.); Холмс Л. Социальная история России: 1917—1941. Пер. с англ. Ростов-на-Дону, 1994; Ильиных В.А. Предисловие // Политика раскрестьянивания в Сибири: Хроникально-документальный сб. Вып.1. Новосибирск, 2000. С.3-6; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001; Маннинг Р. Женщины советской деревни накануне Второй мировой войны // Отечественная история. 2001. № 5. С. 88-106; Мацузато К. Индивидуалистские коллективисты или коллективистские индивидуалисты? Новейшая историография по российским крестьянским общинам // Новый мир истории России. М., 2001. С. 189-201; Глумная М.Н. К характеристике колхозного социума 1930-х гг. (на материалах колхозов Европейского Севера России) // XX век и крестьянская Россия. Токио, 2005. С. 265-285; Глумная М. Колхозы, крестьянство и власть на Европейском Севере России в 1920-1930-е гг. С. 528.

²⁴ Большевик. 1937. № 4. С. 32.

зами и возлияниями спиртного. При этом одни исследователи усматривают в данном поведении колхозников разные социальные смыслы: форму сопротивления власти²⁵, форму поддержания сельской солидарности²⁶, форму социального иммунитета²⁷. Последние две формы, на наш взгляд, близки между собой, выражая способы социальной адаптации крестьянства к колхозной системе.

Годы становления колхозного строя стали одновременно и временем деградации культуры крестьянского труда и деморализации земледельца. Это проявилось, прежде всего, в равнодушии колхозников к орудиям труда, предмету и результатам своей деятельности, в снижении качества сельскохозяйственных работ. В основе этого явления лежали как постепенное утрачивание сельчанами чувства хозяина на земле, так и низкий уровень потребностей. Разрушающее воздействие коллективизации на крестьянский уклад касалось даже не обобществления земли в результате коллективизации, поскольку колхозники (как прежде – общинники) воспринимали землю данного селения как свою, а сознание, что колхозная земля принадлежит каждому, работавшему на ней, сохранялось долго²⁸. С точки зрения С.А. Иниковой, огромный удар по крестьянскому менталитету и отношению к труду был нанесен тем обстоятельством, что рабочей ячейкой на колхозном поле в конечном счете явилась производственная бригада, а не семья. Такая организация труда в корне подорвала основной принцип традицион-

---

²⁵ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. С.231-233.

²⁶ Глумная М.Н. Колхозы и власть на Европейском Севере России в 1920-1930-е гг. // Актуальные проблемы экономики и управления: теория и практика. Вологда, 2005. С.163-175.

²⁷ Осокина Е.А. О социальном иммунитете, или Критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 387-406.

²⁸ Кознова Ирина. Труд на земле в памяти российского крестьянства. С. 13-14.

Исторические перемены и трансформация сознания

ного крестьянского хозяйства – семейную трудовую кооперацию. Если община являлась сообществом крестьянских дворов (т.е. хозяйствующих семей), то колхоз – сообществом производственных бригад, что совершенно противоречило сущности устройства крестьянского мира²⁹. Следует отметить также, что в колхозах постепенно происходило становление и углубление профессиональной специализации, в то время как крестьянин по своей сути был универсалом.

У колхозников возникало болезненное раздвоение ранее циклически целостного времени на «время-труда-для себя» и «время-труда-на колхоз» (выражение М.Н. Глумной). Получили развитие различные формы крестьянского протеста – от невыхода на работу и воровства из общественного хозяйства до бегства из деревни³⁰. Документы фиксировали критичное отношение деревни к власти, которую колхозники сравнивали со «вторым крепостным правом (большевиков)», и к колхозам, отождествлявшимся ими с «новой барщиной». Сложилась мифология крестьянского порядка – единоличной жизни, которая представлялась вполне гармоничной, в соответствии с народной формулой «земли и воли»³¹.

Такие традиционные черты крестьянской психологии, как предприимчивость, хозяйское отношение к делу, инициативность, реализовывались преимущественно в работе на приусадебных участках. Это свидетельствовало о существовании т.н.

---

²⁹ Русские Рязанского края. Т. 1. С. 146-147.

³⁰ Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х-1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 81-99; Глумная М.Н. К характеристике колхозного социума. С. 265-273; Бондарев В.А. Указ. соч. С. 434-439.

³¹ Письма во власть. 1928-1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. М., 2002. С. 347-348, 355-356, 359; Кознова И.Е. Сталинизм и память русских крестьян // Аспекты русского мира: культура, история, политика и экономика. С пред. проф. Такэо Судзуки. Токио: Университет Васэда, Институт российских исследований, 2010. С. 84-85, 88.

«двойного стандарта» в сознании и поведении колхозников. При этом «мирской» принцип уравнительного распределения земли переносился на усадьбы колхозников³².

Существовало расхождение между ожиданиями власти, нацеленной на уровень культуры труда, соответствующий представлениям индустриального общества, и крестьянским «предложением», ориентированным на традиции, на возможности и потребности семьи. Ростки нового «современного» (индустриализированного труда) представляло лишь сравнительно небольшое число ударников, стахановцев и прочих «передовиков» сельского хозяйства. Они не могли переломить общую ситуацию в деревне.

Конструируя новую колхозную идентичность, власть поддерживала и развивала некоторые фольклорные традиции, ориентировала на связь с патриотическими и демократическими традициями прошлого. Анализ советской истории показывает активное участие рядовых граждан в мифологизации текущих событий, что способствовало оформлению новой нормированной культурной памяти, основанной на архаичных образцах³³. В деревне постепенно формировалось новое поколение крестьян-колхозников, воспринимавших советскую власть и коммунистическую партию в качестве авторитетов и носителей мечты о «светлом будущем». Показательно восприятие понятия «хорошая жизнь» разными группами деревни. Так, в понимании рядовых колхозников, женщин и стариков она сводилась к тому, что «пока здоровы и не голодны», «в тепле и сыты»³⁴. Для колхозной элиты, механизаторов, передовиков (включая женщин) понятие «хорошей жизни» не укладывалось в подобные узкие

---

³² Окуда Хироси. О переделе приусадебной земли в российской деревне // Государственная власть и крестьянство в XX – начале XXI века. Коломна, 2007. С. 226-236.

³³ Прежде и теперь. Рассказы рабочих, колхозников и трудовой интеллигенции о своей жизни при царизме и при Советской власти. М., 1938.

³⁴ Зензинов В.М. Встреча с Россией. Нью-Йорк, 1944. С. 283-557.

Исторические перемены и трансформация сознания

рамки. Она была связана с обретением нового стиля жизни, соответствующего канону «советского человека»: идеального, здорового, идеологически выдержанного, соревнующегося в труде, проводящего свой досуг «культурно»³⁵. В то время как на 1000 работающих колхозников приходилось в 1939 г. лиц с высшим и средним образованием 17 человек (для сравнения: в середине 1960-х гг. – 230 человек на 1000 работающих)³⁶, а общий образовательный уровень колхозников, включая колхозную верхушку, был невысоким, ценность образования, причём, в качестве альтернативы крестьянскому труду и сельской жизни, в деревенской среде повышалась³⁷.

Война двояко повлияла на сознание крестьянства. Она стимулировала настроения в пользу роспуска колхозов. Отмечался рост самосознания крестьян. Письма в Совет по делам колхозов содержали предложения о созыве съезда колхозников «для широкого обсуждения на нём всех выдвинутых кровных колхозному крестьянству вопросов»³⁸. Изменение демографической ситуации, рост роли женщин способствовали консервации традиционализма деревни. Получила новый импульс практика «едоцкого» уравнивания усадеб.

---

³⁵ Волков В.В. Концепция культурности, 1935-1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1-2. С. 194-213; Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М., 1999. С. 160-161; Фирсов Б.М. Советская и постсоветская культура в исторической динамике: модернизация и культурная дифференциация // Культуральные исследования. Сб. научных работ. СПб., 2006. С. 40-58.

³⁶ Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967. С. 227.

³⁷ Шуваев К.М. Старая и новая деревня. М., 1937. С. 18-20; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. С. 258-260.

³⁸ Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. С. 42; Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 - март 1953). Сб. документов. М., 1993. С. 181-193; Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М., 1999. С. 61-69.

С середины XX столетия модернизационные процессы ускорились. Рост городов, расширение информационного пространства сопровождалось распространением урбанистических стандартов. Урбанизационные процессы в деревне совпали с вступлением во взрослую жизнь нового поколения, в большей степени ориентированного на городские ценности и нормы. Пространство социального применения традиции сузилось, более активным стал процесс вытеснения традиционной народной культуры. Влияние городских потребительских стандартов и массовой культуры стало более интенсивным, а сам крестьянский уклад на протяжении предшествующих десятилетий в значительной степени растерял многие свои компоненты и скрепы, прежде позволявшие ему противостоять тенденциям урбанизации. И если поначалу традиционное сознание приспособляло город к своим интересам, оказывая сильное давление на городскую среду, то в ходе последующей урбанизации сельская патриархальность интенсивнее вытеснялась городским индивидуализированным сознанием.

«Цивилизующее» влияние города, подрывающее традицию и ремесло, деревня всё активнее испытывала с 1960-х гг. Образование, прежде всего - высшее, утвердилось в качестве одной из ценностей сельского социума. Образовательный уровень колхозников, особенно женщин, заметно повысился. Одновременно увеличилась социальная и территориальная подвижность сельского населения, а также активная миграция в города. Урбанизации сельского сознания способствовали переход на денежную оплату труда, наступление индустриальной эпохи в сельском хозяйстве, перевод колхозов в совхозы, ликвидация неперспективных деревень, интеграция личного подсобного хозяйства в колхозно-совхозное производство, общее падение религиозности, уход из жизни поколений, воспитанных в традиционной культуре, изменение семейных и социальных отношений в деревне. Перечисленные процессы привели к сокращению сельского населения, его постепенному «старению», сни-

Исторические перемены и трансформация сознания

жению абсолютной численности и доли крестьянства в социальной структуре села. Демографическое развитие городской и сельской семьи сблизилось, социальной нормой на селе стала простая нуклеарная семья, хотя село оставалось в 1980-е гг. более традиционным в семейном отношении³⁹.

Однако у села существовал «предел впитывания» городской модернистской культуры. Преобладающими стали прежде всего городские стандарты потребления. Устойчивая, достаточная оплата труда в колхозах и совхозах вселяла в сознание сельчан уверенность в завтрашнем дне; отмечался рост вкладов в сберкассы. Этот фактор, наряду с присущим сельским жителям стремлением не отстать от других, выглядеть не хуже, стимулировал потребление и потребительское накопление. У большинства преобладали запросы в предметах материального потребления; потребление духовного порядка и вложение в него денежных средств, включая траты на детей, имело гораздо более низкий ранг.

Для второй половины XX в. слово «деньги» является одним из ключевых для понимания происходящего в крестьянском мире. Так, получение зарплат, можно сказать, перевернуло мирознание советского земледельца. Как показывают исследования по Рязанскому краю, это был действительно, новый сильный удар по трудовой мотивации. С переходом на выплату зарплат и пенсий весь традиционный уклад жизни пошатнулся: формализовалось отношение к земле и труду на ней; несмотря на ряд налоговых и прочих преференций, стало сворачиваться

---

³⁹ Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. 1950-1965 гг. М.; Вологда, 1991; Вербицкая О.М. Российское крестьянство: От Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992; Долгов В.М., Вилков А.А., Михайловский И.Ю., Москвитина Р.А. Социальная эволюция крестьянства в 60-80-е годы (на материалах областей Поволжья). Саратов, 1993; Денисова Л.Н. Невосполнимые потери: Кризис культуры села в 60-80-е гг. М., 1995; Она же. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960-1980-е гг. М., 1996; Горбачев О.В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946-1985 гг.) и советская модель урбанизации. М., 2002.

приусадебное хозяйство; стали быстро исчезать традиционные занятия (многие промыслы) и профессии (например, пастухи). Изменения коснулись жилья, одежды, питания. На примере сельского жилища видно, как новации в одном звене вызывают цепную реакцию в других, меняют всю совокупность этого относительно устойчивого компонента материальной культуры, а также представления людей. Под влиянием разных факторов - новых материалов, технологий и возможностей (появление денег и снижение налогов) изменился сельский жилой комплекс (произошло сокращение числа дворовых построек за их хозяйственной ненадобностью, исчезло традиционное деления пространства в интерьере жилого помещения, повысилась комфортность жилья). Одновременно изменилось сознание и поведение сельчан: в 1980-е гг. в деревне считалось неприличным не справить новоселье, а по числу приглашенных, затратам на угощение оно стало подобно свадьбе.

Советский вариант хозяйственно-социальной общности по типу колхоза/совхоза стал традицией, усилившей потребительско-иждивенческие настроения. В 1960-1980-е гг. усилился конфликт поколений в отношении земли и труда на ней. Стало характерным более позднее включение детей в трудовой процесс семьи. Раскрестьянивание проявилось в эрозии трудовой памяти; земля постепенно ушла на периферию крестьянской памяти, первый план прочно заняла тема «продовольственного снабжения» и денег. Не случайно в представлении о зажиточности полярным вариантом «возвышения по труду» стало в деревне «возвышение по чину»⁴⁰.

Понятие «хорошо жить» в деревне по-прежнему означало иметь материальный достаток, но критерии обеспеченной жизни изменились, и степень зажиточности определялась, наряду с объемом личного подворья (на котором, как правило, велось

---

⁴⁰ Кознова Ирина. Труд на земле в памяти российского крестьянства. С. 14-16, 30; Кознова Ирина. Историческая память русских крестьян в XX веке. С. 71.

Исторические перемены и трансформация сознания

интенсивное земледелие и животноводство), уровнем заработной платы, наличием нового дома, городской мебели, предметов культурно-бытового назначения. Кроме этого, в содержание понятия «хорошо жить» для молодого и среднего поколения (моложе 45 лет) включалась и возможность приобщения к массовой культуре. На смену привычным «посиделкам» пришли просмотр телепередач, посещение дома культуры и кино. Для сельской молодёжи была значима ценность свободного времени, характерно нежелание держать скот в ЛПХ. Социологические обследования отмечали совпадение в основных моментах жизненных планов и ценностных ориентаций выпускников городских и сельских школ.

Исследования показывают, как истончалось обрядово-ритуальное проявление традиционной культуры, вымывалась знаковая, магическая и религиозно-нравственная подоплека обрядов; исчезали объекты, к которым были привязаны те или иные обряды; значительно сокращались сельские приходы; как с помощью новых советских праздников шло вытеснение традиционной праздничной культуры. Ушли или утратили свою полнокровную жизнь многие виды религиозной традиции; особенно пострадали ее коллективные формы. В то же время отдельные стороны религиозной народной жизни получили новый импульс в советский период. Так, в связи с официальными гонениями на церковь сельским населением и главным образом женщинами оказались еще сильнее, чем раньше, востребованными «монашки», старицы и др. Необычно большой размах приняло в советский период почитание святых источников. После закрытия церквей в 1930-е гг. многие источники (родники) получили статус святых и стали центрами религиозной жизни неформальных общин, образовавшихся из верующих ликвидированных приходов⁴¹.

---

⁴¹ Русские Рязанского края. Т. 1. С. 228-255, 289, 509-579.

В целом, деревня отличалась относительно высоким уровнем религиозности; в вопросах религии была высока роль общественного мнения, проявлявшаяся, в частности, в обычае держать дома иконы. Религиозные традиции и обряды не осуждались общественным мнением; фиксировалось массовое участие сельских жителей, в том числе неверующих, в отправлении религиозных праздников и обрядов. С середины 60-х гг. деревня активнее стала праздновать и государственные праздники, особенно праздник Победы.

Сознанию земледельца было по-прежнему присуще ощущение общественной значимости своего труда, менее выраженным стало чувство социальной неполноценности («колхозник» как негативная идентичность). Хотя город выступал образцом лучшего качества жизни и источником миграционных настроений деревни, отношение к нему изменилось. Он перестал быть враждебной силой. Обследования демонстрировали социальный оптимизм сельских жителей, особенно в отношении того, что «теперь деревня сравнивается с городом»⁴².

На протяжении более полувека – с момента прекращения единоличного хозяйствования и вступления в колхоз до времени «деколлективизации» начала 1990-х годов – существенным образом изменились трудовые привычки крестьянского двора. Доминантой жизни стало выгодное и безболезненное вхождение двора в денежные и ресурсные потоки, шедшие от государства колхозу, порождая т.н. «симбиоз» крупного хозяйства и мелкого двора и привычку к приспособленчеству⁴³.

---

⁴² Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М., 1958; Анохина Л.А., Шмелева М. Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964. Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР; Коллектив колхозников. Социально-психологическое исследование. Под ред. В.Н. Колбановского. Рук. авт. колл. И.Т. Левыкин. М., 1970.

⁴³ Виноградский В.Г. Российский крестьянский двор // Мир России. 1996. № 3. С. 3-76; Кознова Ирина. Труд на земле в памяти российского крестьянства. С. 19-22.

Исторические перемены и трансформация сознания

Если вести речь о культурном капитале, с которым деревня подошла к рыночным преобразованиям 1990-х гг., то следует отметить, что в ней преобладал крестьянский традиционалистский пласт, ориентированный на преимущественно потребительский характер семейного хозяйства в рамках колхозно-совхозной системы. Память о хозяйствовании в условиях рынка сохранялась, но она была во многом идеализированной. В целом сельское население было предрасположено к постепенному, регулируемому государством переходу к рыночной экономике⁴⁴.

Сельская жизнь под знаком «пост»

Радикальный характер инициированных «сверху» в начале 1990-х гг. преобразований встретил поддержку лишь небольшой части сельского населения (главным образом – руководителей, специалистов, а также потомков раскулаченных), в то время как две трети его отнеслись отрицательно к реформированию аграрного сектора. Преобразования предполагали разрушение сложившейся за годы советской власти системы отношений, форм хозяйствования, вертикальных сетей социальной поддержки, а главное – ориентировали на появление другого, отличного от сформировавшегося в течение нескольких десятилетий типа работника на земле. Доминирующую роль на первом этапе реформ приобрела тактика выживания в прежних формах (по типу общины-колхоза), основанная на представлении «земля – всеобщий ресурс», ориентированная на «справедливость» ее распределения и «симбиотическую» связь подворья с коллективным хозяйством. Реакцией на «разрыв времен» стала ностальгия по недавнему советскому прошлому (т.н. «бреж-

---

⁴⁴ Ибрагимова Д.Х. НЭП и Перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997; Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середина 80-х – 90-е годы XX столетия). Под ред. Е.С. Строева. М., 2001. С. 97-110.

невскому» периоду), с которым связывались представления о мирной и спокойной жизни, которое вызывало чувство «уверенности в завтрашнем дне». При этом ностальгия деревни по «семидесятым» – это ощущение потери жизни, когда она была максимально приближена к городу, и может быть квалифицирована как «ностальгия потребления»⁴⁵.

На протяжении 1990-х гг. различными опросами фиксировалась двойственность, расколотость массового сознания (состояние «витязя на распутье»), желание соединить «спокойствие и уверенность в завтрашнем дне, низкие цены» советской эпохи с разнообразием жизни, товарным изобилием современности.

Рыночные реформы неоднозначно повлияли на ситуацию в аграрном секторе, более отчетливым стало выделение лидеров и аутсайдеров, сильных и слабых, выигравших и проигравших на уровне регионов, хозяйств, семей. Исследования 2000-х гг. отмечали стабилизацию ситуации в деревне, характеризуя ее по-разному – от «стабилизации переходности» до «стабилизации застойности». Она проявлялась в различном опыте адаптации к рыночным условиям, выстраивании разнообразных «сетей поддержки» в условиях социальной дифференциации села. При этом в функционировании подобных сетей произошли серьёзные перемены, и именно на уровне симбиоза «личное подсобное хозяйство – сельхозпредприятие». Данные по разным регионам свидетельствуют об активном процессе распада традиционного симбиоза, о распространении на отношения «крупхоз-хозяйства населения» новых рыночных стандартов⁴⁶.

---

⁴⁵ Кознова Ирина. Труд на земле в памяти российского крестьянства. С. 22-27; Кознова Ирина. Историческая память русских крестьян в XX веке. С. 75-77.

⁴⁶ Великий П.П., Морехина М.Ю. Адаптивный потенциал сельского социума // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 57-59; Нечипоренко О.В. Сельское население и реформы аграрной сферы: адаптация или деградация? // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 57-66; Никулин А.М. Оли-

Исторические перемены и трансформация сознания

Современный сельский образ жизни сочетает в себе черты нового состояния российского «села переходного периода», сохраняющиеся некоторые черты колхозного образа жизни, а также и некоторые традиционные, отличаясь при этом известной «деформационностью». Так, для сельского населения остаётся важным принцип «жить как все». Сохраняется скепсис в отношении реформаторских – прошлых и настоящих – устремлений властей и ставка на стратегический семейный запас. Деревенская среда отличается конфликтностью; девиантное поведение превращается в норму (извращённая форма установки «быть как все»), усиливается разобщённость сельской общности. Одним из парадоксов аграрной реформы, нацеленной на становление предпринимательского сознания земледельца, стало разрушение трудовой мотивации работников. Происходит возрождение архаических форм прошлого, развитие криминальных практик, расцвет воровства, пьянства. Исследователями обращается внимание на использование широкими слоями сельского населения двойных стандартов и оценок⁴⁷.

Как показывает, например, рязанский материал, большинство из сохранившихся немногочисленных обрядов и обычаев практически утратили свою содержательную сторону и ее се-

---

гархоз как преемник постколхоза // Экономическая социология. Т.11. № 1. Январь 2010. С. 17-33.

⁴⁷ Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы. Новосибирск, 2000. С. 129-131, 138; Виноградский В., Виноградская О. Как сельские частники сопротивляются «правовому разглаживанию» их хозяйственных практик // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 330; Пациорковский В.В. Указ. соч. С. 327; Бондаренко Л.В. Сельская Россия в начале XXI века (социальный аспект) // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 75-76; Долгушкин Н.К., Новиков В.Г., Староверов В.И. Проблемность современного сельского бытия и пути его оздоровления // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 86-94; Григорьев С.И. Социология жизненных сил российского села и сельского жителя в начале XXI века // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 39-43; Линднер П. Архипелаг «Колхоз» и процесс приватизации: российское сельское хозяйство на пути к мировому рынку - прямые дороги и обходные пути // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 6. М., 2011. С. 122-134.

мантическую нагрузку, ряд из них приобрел игровой характер. В жизни этнографического праздника сильны явления «вторичности». С потерей традиционной нормативности и срывом защитных механизмов, с созданием единого информационного пространства сельская культура стала открытой и сильно подверженной внешним влияниям, воздействию массовой культуры. На фоне активного потребления образцов советской и постсоветской массовой культуры происходит усиление обрядовой религиозности сельчан⁴⁸.

Сохраняет свои позиции в деревне тесно связанная с бывшей советской колхозно-совхозной системой и восходящая в основных своих чертах к общинной традиции хозяйственная культура. Сознанию сельского населения – носителю этой культуры, присущи представления о трудовом, уравнилельно-справедливом распределении собственности и её коллективном использовании. Приверженцев идеи «трудовой справедливости» отличает нерешительность, экономическая неграмотность, боязнь ответственности за новое дело, патерналистские установки, стремление к работе по найму и в то же время негативное отношение к процессу концентрации собственности⁴⁹.

Специальное внимание обращается исследователями на домохозяйства сельских жителей. Сохраняясь, по выражению П.П. Великого, в качестве «анклава частной собственности» в годы советской власти, семейные хозяйства в настоящее время стали

---

⁴⁸ Широкалова Г.С. Горожане и селяне в результате реформ 90-х годов // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 71-82; Силласте Г.Г. Сельская школа и село России в начале XXI века. М., 2003. С. 197-211; Староверов В.И. Результаты либеральной модернизации российской деревни // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 64-74; Русские Рязанского края. Т.2. С. 249, 720-722.

⁴⁹ Гудков Л., Дубин Б. Сельская жизнь: рациональность пассивной адаптации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 6. С. 26; Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002. С. 352-354, 368; Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991-2001 гг. М., 2003. С. 75; Великий П.П., Морехина М.Ю. Указ.соч. С. 62-63.

Исторические перемены и трансформация сознания

основной формой самозанятости и выживания и одновременно - пространством для освоения рыночного хозяйствования. Более две трети их ведут устойчивое мелкотоварное производство, выступая, по мнению В.В. Пациорковского, «стратегическим резервом» фермерства⁵⁰. Отмечаемое повсеместно возрождение мелкотоварного крестьянского уклада, генетически восходящего к единоличному хозяйству, можно рассматривать скорее с точки зрения поддержания сельского образа жизни, чем с позиций формирования крупного фермерского хозяйства предпринимательского типа.

Как подчеркивают Т.Г.Нефедова и Дж. Пэллот, у сельского населения в качестве мощного фактора и даже ресурса его деятельности выступает традиция, срабатывает суженность мышления, которая ограничивает выбор. Между тем, реформы, затеянные ради движения вперед, отбросили сельское сообщество назад, в царство неформальных и немонетарных отношений. С точки зрения исследовательниц, нежелание сельских жителей выйти из тени или хотя бы из рамок самообеспечения – признак аграрного общества, что кажется парадоксальным при таком уровне урбанизации, которого достигла Россия. Они обращают внимание: главное – не формальное, а реальное различие между хозяйствами населения и фермерами состоит в том, что у хозяйств населения преобладает адаптивное, приспособительно-пассивное поведение, а у настоящих фермеров – активное рыночное. Переход от личного подсобного хозяйства к фермерству – это не только проблема земли, собственности и т.п. Это шаг от несвободы к свободе, а психология выживания не предполагает свободы действий и, следовательно, не ведет к развитию⁵¹. Ведь, если исходить из методологического принципа, сформулированного Р. Редфилдом, «понятие рынка озна-

---

⁵⁰ Великий П.П., Морехина М.Ю. Указ. соч. С. 60; Пациорковский В.В. Указ. соч. С. 333.

⁵¹ Нефедова Т.Г., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? М., 2006. С. 251-253, 256.

чает и образ мышления, и место для торговли», и в данном случае речь идет прежде всего о первом аспекте. Все же социологи и психологи отмечают ясно выраженную в последние годы тенденцию к индивидуализации ценностей, ослаблению патерналистских установок, росту ориентации людей на собственные силы, рационализации поведения. Понятия достатка в умах сельских людей начинает связываться и с трудовыми усилиями в своем хозяйстве, хотя исследователи обращают внимание на существенные географические различия данной тенденции⁵²

Новая, адекватная рыночным отношениям хозяйственная культура предпринимательского типа проникает и в сельскую местность. По данным всероссийского исследования, проведенного ИС РАН в сотрудничестве с представительством Фонда им. Фр. Эберта в апреле 2005 г., пятую часть селян можно с уверенностью отнести к т.н. модернистам, то есть к тем, кого характеризует не только позитивное отношение к частной собственности, включая земли сельскохозяйственного назначения, частному бизнесу и предпринимательству, но и производственное (а не потребительское) восприятие собственности. Правда, каждый четвертый из прослойки сельских «модернистов» не является выходцем из села. Это либо бывшие жители малых городов и населённых пунктов городского типа, либо выходцы из крупных городов и областных центров. Процесс трансформации сельской хозяйственной культуры происходит за счёт привнесения извне (прежде всего, через образование и миграцию) элементов модернистской культуры⁵³. Самыми активными и наиболее свободными от старых советских принудительных единых норм, готовыми покупать землю, развивать бизнес, быть фермерами, жить и работать по рыночным правилам выступают молодые и в целом более образованные мужчины.

---

⁵² Там же. С. 271-272.

⁵³ Собственность в жизни россиян // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 5-7, 17-18. См. также: Великий П.П., Морехина М.Ю. Указ. соч. С. 62-63.

Исторические перемены и трансформация сознания

Больше сторонников рыночного оборота земли среди работников прошедших углубленную реорганизацию сильных и средних в экономическом плане хозяйств⁵⁴.

В целом, потенциал данного типа культуры в современном российском селе невелик. Значительно большую силу имеет тенденция, связанная с вымиранием и массовым исходом сельского населения из деревни, урбанизмом сознания. В целом российскому селу присущ, по выражению П.П. Великого, «кризис созидания»⁵⁵.

Несомненна прогрессирующая девальвация черт крестьянственности. Работа на земле перестала быть образом жизни, а опыт прежних поколений, включая его моральный императив в отношении труда на земле, оказывается ненужным нынешнему, прежде всего молодому поколению, численность которого в деревне к тому же быстро сокращается⁵⁶. По данным общероссийских опросов, проведённых Институтом социальной педагогики Российской академии образования, отмечается сильный разрыв между декларируемыми сельскими старшеклассниками ценностями «труда», «работы на земле» и их реальными намерениями. Представления сельских старшеклассников о том, что значит «хорошо жить», совпадают во многом с представлениями их городских сверстников и включают такие социальные ценности, как семья, материальное обеспечение, друзья. Среди учащейся молодёжи на селе ценность семьи выражена сильнее, чем среди российского населения в целом. Низкий ранг имеют демократические ценности. Ориентации на работу, карьеру и

---

⁵⁴ Гудков Л., Дубин Б. Указ. соч. С. 33-37.

⁵⁵ Великий П.П. Российское село: кризис созидания <http://apk.socionet.ru/files/Velikiy6.doc>

⁵⁶ Гудков Л., Дубин Б. Указ. соч. С. 29-30; Штейнберг И. Останется ли в России крестьянин? // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 57-58; Великий П.П., Морехина М.Ю. Указ. соч. С. 63-64; Великий П.П. Российское село в условиях новых вызовов // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 60-65; Русские Рязанского края. Т. 1. С. 161-163; Роголина Н.Л. Указ. соч. С. 210-214.

высокое положение в обществе являются важными ориентирами почти для половины опрошенных. Условием «хорошей жизни» наличие «влиятельных связей» назвали 18 % респондентов-старшеклассников, в то время как «иметь свою землю и трудиться на ней» или просто «работать на земле» - соответственно 15,3 % и 5,9%; 18,8% учащихся собираются «открыть своё дело», 10,3% - построить свой дом и остаться на селе, а в планах ещё 4,7 % опрошенных – «создать фермерское хозяйство»⁵⁷. Ориентация на город и его ценности стимулируется СМИ, прежде всего телевидением, влияние которого на сельскую молодёжь весьма активно. Потенциал молодого поколения для воспроизведения деревенской традиции мал.

---

⁵⁷ Силласте Г.Г. Сельская школа и село России в начале XXI века. С. 340-360.